

ПРЕПОДОБНЫЙ
СЕРАФИМ
САРОВСКИЙ

Житие, наставления

**Преподобный Серафим
Саровский. Житие. Наставления**

«Благовест»

2014

Преподобный Серафим Саровский. Житие. Наставления /
«Благовест», 2014

Серафим Саровский (в миру Прохор Мошнин) (19.07.1753-2.01.1833), русский святой и духовный мыслитель. В 1786 Прохор был пострижен в иноки с именем Серафима, а в следующем году рукоположен в диаконы. Приняв этот сан, св. Серафим почти все время стал проводить в молитве, не выходя из храма. Участвуя в богослужениях, видел он святых Ангелов, сослужащих священнослужителям и поющих с братиею. Старец Серафим учил, что цель христианской жизни состоит в стяжании (обретении) Духа Святого, объяснял условия этого стяжания (трезвение души и духа, чистота плоти) и его средства (пост, молитва, добрые дела). Серафим Саровский канонизирован в 1903. Память ему отмечается 2/15 января и 19 июля/1 августа. Издание предлагается и для воцерковленных людей, и для людей только начинающих свой путь к Богу.

, 2014

© Благовест, 2014

Содержание

Молитва преподобному Серафиму Саровскому	6
Житие преподобного Серафима Саровского	7
Молодость	7
Послушник	10
Годы зрелости	12
Подвиг старчества	17
Основатель монастыря	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Преподобный Серафим Саровский. Житие. Наставления

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви (ИС 14-402-0180)

© Издательство «Благовест» – текст, оформление, оригинал-макет, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Молитва преподобному Серафиму Саровскому

О, великий угодниче Божий, преподобие и богоносне отче наш Серафиме! Призри от горния славы на нас, смиренных и немощных, обремененных грехми многими, твоя помощи и утешения просящих. Проникни к нам благосердием твоим и помози нам заповеди Господни непорочно сохранять, веру православную крепко содержать, покаяние во гресех наших усердно Богу приносить, во благочестии христианством благодатно преуспевати и достойны быти твоего о нас молитвенного к Богу предстательства. Ей, святче Божий, услыши нас, молящихся тебе с верою и любовью, и не презри нас, требующих твоего заступления: ныне и в час кончины нашея помози нам и заступи нас молитвами твоими от злобных наветов диавольских, да не обладает нами тех сила, но да сподобимся помощью твоею наследовати блаженство обители райския. На тя бо упование наше ныне возлагаем, отче благосердый: буди нам воистину ко спасению путевождь и приведи нас к невечернему свету жизни вечныя Богоприятным предстательством твоим у престола Пресвятыя Троицы, да славим и поем со всеми святыми достопокланяемое имя Отца и Сына и Святаго Духа во веки веков. Аминь.

Житие преподобного Серафима Саровского (1759–1833)

«Сей, отец Тимон, сей, всюду сей данную тебе пианицу. Сей на благой земле, сей и на песке, сей на камне, сей при пути, сей и в тернии: все где-нибудь да прозябнет и возрастет, и плод принесет, хотя и не скоро».
Последнее наставление преподобного Серафима Саровского пустыннику, а впоследствии игумену, отцу Тимону

Молодость

«Поминай моих родителей, Исидора и Агафию», – сказал с любовью прп. старец Серафим, прощаясь с пришедшим к нему игуменом Высокогорской пустыни. Помянем же и мы добрых его родителей, чью память он чтит до самой своей кончины.

Отец св. Серафима Саровского Исидор Мошнин был строителем-подрядчиком, а мать Агафия, ставши вдовой, продолжала дело мужа. Житель города Курска, Исидор Мошнин принадлежал, как сам о нем говорил св. Серафим, к сословию купеческому, тому зажиточному сословию России XVIII века, которое умело нести ответственность за техническую исправность своих предприятий и тем самым способствовало в большой мере созиданию русского национального достояния. Занимаясь стройкой различных зданий, каменных домов и даже церквей, курский строитель сам производил необходимый ему строительный материал на собственных кирпичных заводах. Последним и лучшим предпринятым им делом было сооружение большой церкви во имя прп. Сергия Радонежского в самом городе Курске; но благочестивый купец за последние десять лет своей жизни успел закончить лишь нижний храм св. Сергия, а еще предстояло воздвигать верхний. После его кончины, последовавшей в 1762 году, жена его Агафия продолжала работы в течение шестнадцати лет. Храм был окончен в 1778 году – то был год поступления св. Серафима в Саровский монастырь; гораздо позже – опять примечательное совпадение – в 1833 году, то есть в год смерти св. Серафима, храм этот стал кафедральным собором города Курска.

Хотя Агафия Мошниная не была подрядчицей в техническом смысле этого слова, она все же оказалась способной надзирать за ходом работ после смерти своего мужа и довести постройку храма до конца в сравнительно краткое время. С одним из ее посещений строящейся церкви связан первый знаменательный эпизод в жизни св. Серафима. Как-то раз Агафия Мошниная, взяв с собой на стройку семилетнего сына своего Прохора (таково было имя, данное св. Серафиму при Крещении), взошла с ним на верхушку колокольни; резвый Прохор, как все дети, захотел посмотреть вниз и нечаянно упал с довольно большой высоты. Смерть грозила ему после такого падения, но когда мать сбежала с колокольни, то увидела Прохора, стоявшего целым и невредимым... О, благочестивая мать, Бог возвращает тебе сына живым! Надо ли говорить о благодарности, наполнившей твое сердце при явлении такого чуда?

Через несколько лет второй необыкновенный случай навел мать на мысль об особенном промысле Божиим касательно ее сына. Десятилетний Прохор, мальчик весьма крепкого сложения и привлекательной по живости и красоте наружности, вдруг сильно заболел, и снова Агафия стала опасаться за жизнь своего любимого сына. Положение казалось безнадежным, но в самый критический момент болезни мальчику во сне явилась Божия Матерь с обещанием лично прийти и исцелить его. Верующей семье Мошниных оставалось предаться надежде на обещанное выздоровление. В то время по улицам Курска устраивали крестные ходы с иконой Знамения Божией Матери. Когда крестный ход приближался к дому Мошниных, случился

сильный дождь, что заставило шествие свернуть во двор Агафии; видя это, окрыленная верою мать поспешила вынести больного сына и приложить его к чудотворной иконе. С того дня Прохору стало лучше, и скоро он совсем окреп. Рука Божия второй раз возвращала к жизни сына Агафии. Несомненно, столь дивные знамения должны были впоследствии укрепить сердце матери, когда ей пришлось время отдать любимого сына на служение Богу, – беспрекословно.

Со времени чудного исцеления жизнь Прохора протекала спокойно. Он выучился читать по-русски и по-славянски, выучился писать и считать столь успешно, что старший брат его Алексей, занимавшийся торговым делом, брал Прохора себе в помощники, в лавку; там мальчик постигал искусство купли, продажи и барыша... «Мы, бывало, – говаривал сам старец Серафим, – торговали товаром, который нам больше барыша дает!» Да кто не помнит, как прп. Серафим любил заимствовать образы и термины из купеческого дела, чтобы лучше разъяснять высшие духовные пути: «Стяжуйте (то есть приобретайте) благодать Духа Святого и всеми другими Христа ради добродетелями, торгуйте ими духовно, торгуйте теми из них, которые вам больший прибыль дают. Собирайте капитал благодатных избытков благодати Божией, кладите их в ломбард вечный Божий из процентов невещественных, и не по четыре или по шести на сто, но по сту на один рубль духовный, но даже еще того в бесчисленное число раз больше. Примерно: дает вам более благодати Божией молитва и бдение, бдите и молитесь; много дает Духа Божиего пост, поститесь; более дает милостыня, милостыню творите... Так и извольте торговать духовно добродетелью...»¹.

Отрочество Прохора протекало в среде, благоприятной для его духовного развития. Когда в нем стало проявляться тяготение к чтению духовных книг, к посещению церковных служб, порой весьма ранних, или же к дружбе с почитаемым в Курске юродивым, со стороны его глубоко верующей матери не оказалось никаких преград. Среди своих сверстников, купеческих детей, сын Агафии имел верных друзей, которые так же, как и он, стремились к жизни духовной. Нам известно, что четверо из них стали впоследствии иноками.

Достигнув 16-ти лет, Прохор уже определенно избрал путь монашеского подвига и просил на то благословение матери. В те времена родительское благословение имело исключительное значение для детей и являлось торжественным и святым знаком благоволения Божия на избранный жизненный путь. Прохор поклонился своей матушке в ноги, она благословила его большим медным крестом, который он принял из рук ее. До конца жизни св. Серафим носил этот медный крест на груди, поверх одежды, показывая тем самым свою духовную связь со своей христианкой матерью, а также и силу родительского благословения.

В городе Курске хорошо была известна Саровская пустынь², где пребывали в монашестве некоторые жители этого города, как, например, иеромонах Пахомий, в миру Борис Назарович Леонов, ставший игуменом в Сарове за год до поступления туда Прохора, а прежде с детских лет знавший родителей его, Исидора и Агафию. Склоняясь к поступлению именно в Саров, юный Прохор пожелал иметь подтверждение свыше на свой выбор и для сего отправился в Киево-Печерскую Лавру, почитавшуюся, особенно в те трудные для монашества времена, несомненной главной нашей духовной святыней. Прохора сопровождали его друзья из курских купцов; все шестеро шли пешком, а пройти надо было из Курска в Киев около 500 верст.

Добравшись до Киева, паломники начали обходить все святые места древней Лавры. В так называемой Китаевской обители жил затворник Досифей, имевший дар прозорливости. К нему и направился Прохор, прося его наставления. Вот что ответил затворник юному сыну

¹ Мотовилов Н. А. Беседа преподобного Серафима Саровского о цели христианской жизни: Дух Божий, явно почивающий на отце Серафиме Саровском, в беседе его о цели христианской жизни с симбирским помещиком и совестным судьей Н. А. Мотовиловым (из рукописных воспоминаний Н. А. Мотовилова). San Francisco, 1968.

² Пустыню именуется монастырь с окрестностью, в которой могут поселиться отшельники-пустынники. В XVIII веке вышло государственное распоряжение: «отшельникам не быть нигде». С тех пор отшельники были приписаны к монастырю.

Агафии: «Гряди, чадо Божие, и пребуди тамо (то есть в Саровской пустыни). Место сие тебе будет во спасение, с помощью Господа. Тут скончаешь ты и земное странствие свое. Только старайся стяжать непрестанную память о Боге чрез непрестанное призывание имени Божия, (молясь) так: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!* В этом да будет все твое внимание и обучение: ходя и сидя, делая (работая) и в церкви стоя, везде, на всяком месте, входя и исходя, сие непрестанное вопияние да будет и в устах и в сердце твоём; с ним найдешь покой, приобретешь чистоту духовную и телесную, и вселится в тебя Дух Святой, источник всяких благ, и управит жизнь твою во святые... В Сарове настоятель Пахомий – богоугодной жизни; он последователь наших Антония и Феодосия!»

В этом ответе, записанном в жизнеописании старца Серафима, изданном Дивеевским монастырем в 1874 году, ясно выступает духовное единство православной монашеской традиции, в которую включился вскоре Прохор, а также как бы уже намечен весь его жизненный путь с высшим его достижением: и вселится в тебя Дух Святой... Восприняв по вере и без сомнений слова св. затворника Досифея³, Прохор вернулся в Курск, где пробыл еще около полутора лет. Предание говорит, что он еще ходил в лавку брата, но торговлей больше не занимался, а проходящим к нему рассказывал о святых киевских местах и читал им духовные книги. Так мирно, как в свое время прп. Сергей Радонежский, молодой Прохор готовился покинуть свой дом.

³ Отметим здесь, что св. затворник Досифей скончался 25 сентября 1776 года; следовательно, Прохору было не более 17 лет, когда он явился к нему, вероятно, в лето 1776 года, незадолго до смерти затворника. Знаменательно, что образ смерти затворника Досифея и прп. Серафима один и тот же: оба были найдены умершими в молитвенном положении, стоя на коленях, как, впрочем, еще в начале XVIII столетия скончался и святитель Димитрий Ростовский.

Послушник

Святой жизни игумен Пахомий принял Прохора в Саровскую обитель 20 ноября 1778 года, накануне праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы.

По Летописи Дивеевской мы можем проследить, какие послушания нес молодой послушник Прохор в течение восьми лет: сперва он был келейником у казначея иеромонаха Иосифа, далее работал в хлебне, просфорне, столярне; так удачны были его столярные изделия, что его даже стали прозывать Прохор-столяр.

Он был будильщиком, затем пономарем; были и более тяжелые труды, как сплавка леса и заготовка дров. Сам о. Серафим, вспоминая свои молодые годы, говорил: «Вот и я, как поступил в монастырь-то... на клиросе тоже был, и какой веселый-то был... бывало, как ни приду на клирос-то, братья устанут, ну и уныние нападает на них, и поют-то уж не так, а иные и вовсе не придут. Все соберутся, я и веселю их, они и усталости не чувствуют... ведь веселость не грех... она отгоняет усталость, да от усталости ведь уныние бывает, и хуже его нет, оно все приводит с собою...» {1}.

Особенность молодого послушника состояла еще в том, что он с самого начала своей иноческой жизни предавался посильному чтению духовных книг. Один из агиографов св. Серафима, В.Н.Ильин, правильно замечает, что «острая, исключительная память и неустанное прилежание помогли ему (св. Серафиму) овладеть Священным Писанием⁴, святоотеческой житийной литературой и аскетической в небывалых размерах. Про него можно сказать, что он был как бы упитан святой письменностью»⁵{12}.

Будучи послушником, Прохор показал себя исключительным подвижником: в среду и в пятницу он не принимал пищи, а в другие дни ел всего лишь раз в день; спал он весьма мало, часа три в ночь, исполняя неукоснительно трудное правило св. Пахомия Великого. В чаще Саровского леса издавна жили пустынники, предававшиеся всецело молитве; сам Прохор получил благословение от своего старца Иосифа уходить в лес для уединенной молитвы в свободное от послушаний время. Здесь он совершал правило св. Пахомия. Два года спустя по вступлении в монастырь Прохор перенес очень тяжкую болезнь, которая продолжалась около трех лет. Врачи того времени не могли точно определить вид болезни, но склонялись к тому, что это была водянка: распухшее тело Прохора не позволяло ему двигаться, и он почти все время болезни пролежал. Состояние его, как и при первой серьезной болезни в детские годы, казалось по истечении трех лет безнадежным. Трогательным был неусыпный уход за больным со стороны игумена Пахомия, а также и казначея Исаии. Несмотря на их просьбы, Прохор отказался от вмешательства врачей в критический момент, предавая себя всецело на волю Божию. Была отслужена Божественная литургия, больного приобщили, после чего ему стало лучше, и он, непонятным для всех образом, выздоровел. Лишь впоследствии, незадолго до кончины, св. Серафим поведал о том, что в тот день случилось: причастившись, он увидел осиянную Фаворским светом Божию Матерь, подошедшую к нему в сопровождении апостолов Петра и Иоанна. Указывая на Прохора, Она сказала Иоанну: «Сей – нашего рода!» Причем, правую руку Она положила на голову больного, а жезлом коснулась его правого бедра, где вскоре открылась большая рана, из которой вытекла вся вода. От этой раны остался след на всю жизнь в бедре святого, который, в подтверждение совершенного чуда, давал матери Капитолине, «церковнице» основанной им общины, вложить весь кулак в углубление своего правого бедра, как некогда Христос давал Фоме вложить руку в ребро Свое.

⁴ Летопись Дивеевская указывает на некоторые только произведения, не считая Священного Писания в целом: «Шестоднев» свт. Василия Великого, «Беседы» прп. Макария Великого, «Лествица» прп. Иоанна, «Добротолюбие»...

⁵ В. Н. Ильин. Преподобный Серафим Саровский. 2-е изд. Париж, 1930. С. 110.

Слова, сказанные Божией Матерью столь молодому послушнику, лишь два года пребывавшему в монастыре, наводят на нас некий страх и трепет... Из дальнейшей жизни св. Серафима мы увидим, что Божия Мать избрала Себе в лице преподобного удивительно верного послушника, которому поручила нелегкое дело создания Дивеевской новой женской обители. Сам святой называл себя «служкой» Божией Матери, говоря, что без Ее указания он ничего не делает, а все делает Она. Слова Богородицы не смутили Прохора, отрешенного от всего земного столь продолжительной и тяжелой болезнью; в третий раз он был спасен от смерти, и Царица Небесная опять приняла прямое участие в его исцелении, указывая Своими словами не только на пройденный Прохором путь, но и на высоту его дальнейших подвигов: ему надлежало осуществить великое Мариино послушание, вынести особенно тяжелый крест, утвердиться в высшем девственном целомудрии. Так Божия Мать готовила Себе, с самого начала его монашеского пути, великого по смирению сотрудника и мудрого исполнителя Своих веле-ний.

Когда Прохор вполне окреп, игумен Пахомий послал его собирать деньги на постройку в Саровском монастыре больничной церкви. Труд по сбору денег не считался легким, но благодарный послушник охотно исполнял его, обходя окружные города.

Дойдя до Курска, Прохор узнал, что мать его уже умерла. Брат же его Алексей пожертвовал на постройку Саровской церкви немалую сумму. Когда сборщик вернулся в Саров, то, в знак благодарности за исцеление, сам приступил к сооружению прекрасного нового престола из кипарисового дерева, предназначенного для нижнего этажа больничного храма.

Годы зрелости

В 1786 году, 27-ми лет от роду, Прохор был пострижен в монашество с именем Серафима и в том же году посвящен во диакона. Служение его в этом сане продолжалось шесть лет, причем о. Серафим почти не выходил из церкви.

Здесь надо отметить первое указание свыше о. Серафиму на великое дело, которое он имел завершить в последние годы своей жизни, и для этого предварительно кратко указать на путь и призвание некоей Агафии Семеновны, вдовы полковника Мельгунова, богатой дворянки-помещицы Ярославской области, имевшей до семисот душ крестьян. Рано овдовев, Агафия положила окончить жизнь в известном Флоровском Киевском монастыре, где и постриглась под именем Александры; но вследствие явлений ей Божией Матери, указавшей ей идти на север и быть основательницей великой в будущем обители, она, скрывая по совету Киево-Печерских старцев свое монашеское звание, после многих странствий осела неподалеку от села Дивеева. Это село, находившееся в двенадцати верстах от Сарова, на первый взгляд вовсе не было подходящим для женской обители, ибо было населено разгульными рабочими-шахтерами, работавшими на железных приисках, и почиталось опасным. Несмотря на это, село Дивеево было указано матери Александре вновь явившейся ей Царицей Небесной.

Мать Александра познакомилась с Саровскими старцами, сперва с предшественником о. Пахомия, святой жизни игуменом Ефремом, затем с о. Пахомием, о. Исаией, о. Иосифом и другими. Опытные в духовной жизни старцы саровские помогли матери Александре в деле создания небольшой женской общины в Дивееве, где на ее средства уже была выстроена приходская церковь на месте явления ей Богородицы. Впоследствии мать Александра помогла Саровским игуменам достроить храм в честь Успения в самой пустыни, пожертвовав им немалые суммы. В 1789 году мать Александра скончалась, поручив заботу о своей юной общине о. Пахомию, который, будучи уже старым и слабым, в свою очередь поручил так называемых дивеевских сирот о. Серафиму.

В описываемое время о. Серафиму было 30 лет. Диаконом он уже служил три года и, спустя новые три года, должен был стать иереем, после чего ему предстояло в течение 36-ти лет проходить различные подвиги, преимущественно в уединении, и только в конце своей жизни, за семь лет до кончины, по указанию вновь явившейся ему Богородицы, ему суждено было приступить особенно деятельно к созданию новой великой обители в Дивееве, той обители, будущее которой Сама Царица Небесная предсказала матери Александре Мельгуновой. Удивителен, по долготе своей, срок между первым указанием на возложенное на о. Серафима дело и его осуществлением в конце жизни старца!

Пока диаконское служение о. Серафима было ознаменовано видением Ангелов, сослужащих в церкви, сердце его таяло как воск, от неизреченной радости в это время. Известно великое видение, данное ему в Страстной Четверг за литургией; возгласив: «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны...» и подняв орарь, диакон Серафим уже не мог ни говорить, ни двигаться с места. Его ввели в алтарь, где около трех часов он находился в необычном состоянии. Игумен Пахомий узнал после, что о. Серафиму было дано увидеть Самого Господа славы, окруженного всеми Ангельскими чинами, «будто бы роем пчелиным», как образно выразился о. Серафим. Христос, от западных врат идя по воздуху, дошел до амвона, благословил служащих и молящихся, особо же самого Серафима, после чего, сияя неописуемым Фаворским светом, вошел в Свой образ на иконостасе.

Игумен Пахомий, друг родителей диакона Серафима с молодых лет, несомненно давно уже знавший необыкновенную духовную одаренность их младшего сына – послушника своего, вовсе не спешил проводить его по ступеням духовного пути: 8 лет Серафим был послушником, 7 лет диаконом и был рукоположен во иерея лишь на 34-м году своей жизни... Опытный в

духовной жизни игумен Пахомий знал, что умудрение, хотя бы даже и очень одаренной души, не сразу достигается, человек не вдруг меняется, но вырастает в Божественную жизнь путем долгого и смиренного подвига.

После того, как епископ Тамбовский рукоположил диакона Серафима во иерея в Тамбове, в 1793 году, новопоставленный служил, говорит летопись, долгое время ежедневно. От почти непрерывного стояния у о. Серафима ноги до такой степени опухли и покрылись ранами, что он уже не в состоянии был продолжать священническое служение. К этому времени, в 1794 году, в Сарове скончался любимый всеми игумен Пахомий, под сенью которого до сих пор мирно протекала иноческая жизнь о. Серафима. Грустно было последнему расставаться со своим наставником; желая его утешить на смертном одре, о. Серафим обещал ему исполнить завет его об охране Дивеевской общины.

Но в описываемые дни о. Серафиму пришлось изменить образ жизни из-за упомянутой выше болезни ног; испрося благословение нового игумена, о. Исаии, он удалился в так называемую «дальнюю пустыньку», то есть уединенный деревянный домик в лесу, в 5–6 верстах от Сарова. Тут началась его отшельническая жизнь, продолжавшаяся 15 лет. В этом лесу жили и другие отшельники, славившиеся своей святой жизнью; нам известны имена игумена Назария, о. Дорофея, св. схимонаха Марка.

Келья о. Серафима находилась на холме, у подножия которого протекала речка Саровка; вокруг кельи был огородик, окруженный забором. Тропинки, ведущие к келье, были завалены ветками, бревнами, сучьями, так что до нее не было доступа, особенно для женщин, которых, по указанию свыше, о. Серафим не считал возможным принимать в глуши лесной. Последние могли обращаться с их духовными нуждами к священникам-монахам, жившим в самой лавре.

Среди векового Саровского леса, где под покровом сосен и елей жили дикие звери, о. Серафим начал новый подвиг, подвиг отшельничества, связанный с суровыми лишениями: он страдал от холода, от однообразной и скудной пищи (лишь много лет спустя узнали, что почти три года он питался одной травой «сниткой», которую отваривал с корнями), страдал от комаров, от которых не защищался; порой, когда он рубил деревья или колол дрова, все тело его покрывалось кровавыми пятнами от их укусов.

Аскетические подвиги последователя древних христианских пустынников имели целью приобретение постоянной сердечной обращенности к Богу. Слова, которые о. Серафим сказал о Саровских подвижниках, можно отнести всецело и к нему: подвижники суть «огненные столпы от земли до небес»! Днем и ночью о. Серафим носил на себе тяжелые железные кресты, клал по тысяче поклонов сряду, исполнял каждодневно длинное правило св. Пахомия Великого, справлял церковные службы, усиленно читал Священное Писание, а ночному отдыху уделял не более трех часов.

Когда новый Саровский подвижник ходил по лесу, то всегда носил с собой в суме за спиной Евангелие. Ум должен «как бы плавать в законе Господнем!» – учил о. Серафим, ибо слово Божие есть истинная пища разума, от которой он просвещается. Ум делается способным подлинно различать, что есть добро и что есть зло. Очищение ума сопровождается прозорливостью, даром, при наличии которого ум человеческий находится в молчании, представляя свободный путь мыслям Божественным, и тем самым достигает высшего познания. Любил о. Серафим, ходя по лесу, следовать земному пути Христа от Вифлеема до Назарета, от Назарета до Иордана и Иерусалима – так святой отшельник наименовал ближайшие к своей пустыньке места. По воскресеньям и праздникам о. Серафим возвращался в Саровский монастырь, приобщался в больничной церкви, где служились ранние литургии, а после службы принимал монахов, приходивших к нему за духовным наставлением. «В пребывание его в пустыни вся братия была его учениками», – вспоминали Саровские старцы.

Восхождение на пути к святости сопровождалось у Серафима удивительными испытаниями, хорошо знакомыми отшельникам под именем «страхований». Так, во время молитвы в

лесной келье, рассказывал один Саровский иеромонах, вдруг о. Серафим услышал страшный звериный рев, потом невидимая толпа с шумом выломала дверь кельи и бросила в комнату громадное полено, которое смогла из нее вынести лишь восемь человек! Иногда стены кельи разваливались на глазах у молящегося, и в нее рвались воюющие звери, являлся гроб, из которого вставал мертвец. Иногда злые силы, ибо это были их нападения, поднимали Серафима на воздух и со страшной силой ударяли об пол... Святой впоследствии поведал, что видеть бесов ужасно, потому что они гнусны. Нападения темных сил были опасны для жизни самого отшельника, и, не будь особой благодати, охранявшей его, он бы погиб, телесно или духовно... Неизменно прогоняя бесов крестным знаменем и усиленной молитвой, отшельник вкушал небесную тишину и глубокий мир душевный.

Многие монастыри хотели иметь о. Серафима в качестве своего игумена, но каждый раз он упрашивал Саровского игумена Исаию оставить его в молитвенном уединении. После «страхований» в духовной жизни о. Серафима появилось новое и тяжкое искушение: он стал испытывать глубокое уныние; хульные помыслы, столь нестерпимые для молитвенника, стали с силой напрашиваться и мучить его. Тогда о. Серафим еще усилил молитвенный подвиг, до предела сил человеческих: найдя в лесу большой гранитный камень, он стал на нем молиться, не сходя с места; этот подвиг продолжался тысячу ночей. Поднимая руки к небу, как древние оранты, он взывал непрестанно: *Боже, милостив буди ми грешному!* Днем о. Серафим молился на другом камне, у себя в келье, для сохранения тайны. Тысяча дней и тысяча ночей... нам трудно постигнуть эту трехлетнюю борьбу, эту неутомимую битву; впоследствии св. Серафим открыл, что моление его было сопряжено с особой помощью Божией, иначе сил человеческих не достало бы! Постепенно сердце его согревалось даром умиления, и вера и надежда на Бога восторжествовали в нем. Но след от подвига отразился в теле молитвенника: ноги его снова опухли и болели до конца его жизни.

Тут надо отметить учение опытных в духовной жизни старцев, что истинный монах никогда не придумывает себе подвигов. Обычно подвиги его являются следствием послушания игумену, духовному отцу или же, на более высокой степени развития, послушания некоей внутренней духовной необходимости или, лучше сказать, очевидности по внушению свыше, а отнюдь не произвольным решением идти по тому или иному пути. В этом духовном проявлении замечательно то, что Животворящий Дух всегда действует соборно; нет такого момента в жизни христианина, чтобы был он один, один решал, один соделывал. Всегда и во всем на правильном пути духовном оправдываются слова, издревле сказанные: *изволися Духу Святому и нам.*

Потерпев мученичество душевное, св. Серафиму надлежало потерпеть и мученичество телесное. Как и св. Бориса и Глеба, о. Серафима, справедливо можно назвать страстотерпцем. Вот что случилось в дальней пустыньке 12 сентября 1804 года (рассказ этот заимствован с некоторыми сокращениями из летописи Дивеевского монастыря, где живость самого повествования наводит на мысль, что оно записано со слов самого о. Серафима):

«12-го сентября 1804 года подошли к старцу три неизвестные ему человека, одетые по-крестьянски, о. Серафим в это время рубил дрова в лесу. Крестьяне, нагло приступив к нему, требовали денег, говоря: «К тебе ходят мирские люди и деньги носят». Старец сказал: «Я ни от кого ничего не беру». Но они не поверили. Тогда один из пришедших кинулся на него сзади, хотел свалить его на землю, но вместо того сам упал. От этой неловкости злодеи несколько оробели, однако же не хотели отступить от своего намерения, о. Серафим имел большую физическую силу и, вооруженный топором, мог бы обороняться. Эта мысль мгновенно и мелькнула в его уме. Но он вспомнил слова Спасителя: *Вси приемшии нож, ножем погибнут*, не захотел сопротивляться, спокойно опустил на землю топор и сказал кротко, сложивши крестообразно руки на груди: «Делайте, что вам надобно». Тогда один из крестьян, поднявши с земли топор, обухом так крепко ударил о. Серафима в голову, что у него изо рта и ушей хлынула кровь.

Старец упал на землю и пришел в беспамятство. Злодеи тащили его к сеням кельи, по дороге яростно продолжая бить как звероловную добычу, кто обухом, кто деревом, кто своими руками и ногами, даже поговаривали и о том, не бросить ли старца в реку?.. А как увидели, что он уже был точно мертвый, то веревками связали ему руки и ноги и, положив в сенях, сами бросились в келью, воображая найти в ней несметные богатства. В убогом жилище они очень скоро все перебрали, пересмотрели, разломали печь, пол разобрали, искали, искали и ничего для себя не нашли: видели только у него святую икону, да попалося несколько картошек. Тогда страх напал на них, и они в ужасе убежали. Между тем, о. Серафим от жестоких смертных ударов едва мог прийти в чувство, кое-как развязал себя и, проведши ночь в келье в страданиях, на другой день с большим трудом, однако же сам пришел в обитель во время самой литургии. Вид его был ужасен (он был весь покрыт кровью). Братья, увидев его, ужаснулись и спрашивали, что с ним случилось. Ни слова не отвечая, о. Серафим просил прийти к себе настоятеля, о. Исаию, а также и монастырского духовника, которым в подробности рассказал все случившееся.

Врачи, вызванные лишь на седьмой день, нашли его в следующем состоянии: голова у него была проломлена, ребра перебиты, грудь оттоптана, все тело покрыто смертельными ранами; лицо и руки избиты, вышиблено несколько зубов... Удивлялись врачи, как это старец мог остаться в живых после таких побоев...» {2}.

Первые восемь дней св. Серафим не мог ни есть, ни пить, ни спать от нестерпимой боли. На восьмой день, окруженный консилиумом врачей, о. Серафим заснул и во сне увидел подходящую к его койке Божию Матерь, а за Нею св. апостолов Петра и Иоанна. «Что вы трудитесь?» – сказала Царица Небесная, обращаясь к врачам. Потом, смотря на старца, повторила: «Сей – от рода нашего». Видение прекратилось, и тут же, проснувшись, о. Серафим отклонил медицинскую помощь. К всеобщему удивлению, ему стало лучше, а к вечеру, говорит летопись, он подкрепился немного хлебом и белой квашеной капустой (!).

Около пяти месяцев поправлялся о. Серафим в Саровском монастыре. Не хотели его вновь отпускать в пустынь, но пострадавший снова просил благословения у игумена Исаии вернуться на молитву в лес...

О, русский лес! Сколько слышал ты вздыханий неизглаголенных, сколько вторил шепоту молитвы пустынников, сколько, увы, видел ты и злодейств!

Когда покушение на о. Серафима оказалось известным по всей местности, встал вопрос об отдании злодеев под суд, но о. Серафим категорически отказался от этого, сказав, что в противном случае он удалится из Саровской пустыни навсегда. Игумен Исаия внял его просьбе о прощении злодеев, которые, впрочем, вскоре были наказаны Самим Богом: избы их сгорели, и, оставшись бездомными, те, которые разгромили келью святого жителя Саровского леса, сами явились к нему, пали ему в ноги и со слезами раскаивались в своем преступлении.

Мы упоминали уже о кончине игумена Пахомия и о водворении нового игумена, о. Исаии, бывшего ранее казначеем. В лице нового игумена, родом из суздальских купцов, о. Серафим приобрел святой жизни духовника, верного друга и собеседника. От времени до времени о. Исаия любил навещать отшельника в его дальней пустыньке; в последний год жизни игумен отправлялся туда в маленькой тележке, которую везли братья, и оба старца укреплялись духовной беседой и единением сердец.

Старец Исаия умер в 1807 году. В третий раз о. Серафиму предложили стать игуменом Саровским, но он снова отказался от сего предложения. Был тогда избран иеромонах Нифонт, который поступил в обитель при игумене Пахомии, через девять лет после вступления в нее о. Серафима. Некоторые летописцы Саровской обители стыдливо скрывают ту неприязнь, которую питали к о. Серафиму игумен Нифонт, да и часть братии, в течение всей его жизни. Эта неприязнь, основанная на зависти, порождала мелочное вредительство, клевету и постоянное оспаривание самого дела создания Дивеевской общины.

После смерти игумена Исаии на долю о. Серафима выпал новый подвиг, подвиг молчаливости. В глуши лесной он стал как бы глухим, в немолчной чаще он стал как бы немым! Когда встречался кто из братии ему на пути, то преподобный падал лицом к земле и так оставался, пока не проходил посетитель. Так прошло три года в полном отречении от мира, ибо не видно было старца даже на праздничных или воскресных литургиях в монастыре. Некое устное монашеское предание утверждает, что такое поведение о. Серафима было вынуждено недоброжелательным отношением к нему отца игумена и той же группы Саровских монахов. Молчание позволяло преподобному избежать осуждения братьев и продолжать в мире свой молитвенный подвиг.

В ту пору пятидесятилетний о. Серафим казался гораздо старше: после избиения его ворами облик его стал как бы надломленный, сильно скорбленный; чтобы ходить, ему надо было опираться то на палку, то на топор, то на мотыку, да и то было трудно из-за постоянной боли в ногах. С годами он все же окреп и мог даже рубить деревья в лесу, но в период молчаливости, особенно зимой; он должен был прибегать к услугам монастырской трапезной: раз в неделю ему послушник приносил попеременно хлеб да капусту.

К этому времени в монастыре подняли вопрос о причащении старца и порешили предложить ему, за невозможностью передвигаться, вернуться жить в монастырь, на что он согласился; восьмого мая 1810 года, после 15-летнего пребывания в пустыни, старец Серафим (ему шел 51-й год) вернулся в Саров, но, с благословения отца игумена, он затворился в своей келье строжайшим образом: лица его никто не видел за покрывалом, голоса его никто не слышал, разве когда он читал вслух молитвы или Писание. Так начался период затвора, особенно тяжкого подвига.

В то время келья старца не отапливалась, обрубок дерева служил стулом, мешки с песком и камнями служили ложем. Пища была все та же, но в более мягком виде, то овсянка, то рубленая капуста – вспомним, что у о. Серафима было выбито несколько зубов. В этой суровой обстановке лишь одна лампада горела неугасимо перед иконой Божией Матери. К молитвенному правилу старец прибавил более усиленное чтение Писания, прочитывая весь Новый Завет каждую неделю. Причащался он в келье, после ранней литургии, по праздникам и воскресеньям. Затвор продолжался целых пять лет, после чего старец открыл свою дверь, но в разговоры не вступал. Таким образом прошло еще пять лет, по истечении которых о. Серафим первым принял захватившего в Саров губернатора А. Безобразова с женой.

Подвиг старчества

До тех пор о. Серафим искал Царства Божия, проходя труднодостижимый покаянный путь, сопряженный с неустанным чтением Слова Божия. Теперь же, Божиим Промыслом, он был направлен на путь служения людям, строгий затвор окончился в 1815 году, и всем стало возможно приходить к старцу – он же из кельи не выходил. В Саровском монастыре кельи стояли отдельно друг от друга, у каждой были маленькие сени. В сенях у о. Серафима стоял выдолбленный им самим в колоде гроб, который напоминал ему и всем приходящим о том, что земное пребывание есть лишь странствие к горнему Царству.

Все посетители старца при входе в его келью были ярко озарены множеством свечей, горевших перед иконой Божией Матери «Умиление»; зная, что каждая из них была знаком усиленной молитвы духовного отца за просивших его помощи, приходящие неустанно его снабжали пучками свечей. От них стояла в келье трудновыносимая жара.

Сам о. Серафим был одет в белый «балахон», широкую верхнюю одежду, поверх которой спадала черная полумантия; епитрахиль и поручи, которые он надевал по воскресеньям и праздникам, свидетельствовали о его священническом сане. Встречая посетителей, старец часто обращался к ним со словами: *Радость моя!* Было замечено, что такое приветствие особенно относилось к людям, подавленным горем, искушением или болезнью. Пасхальное приветствие *Христос воскрес!* также не сходило с уст его, напоминая верующим о конечном торжестве Христа и восстановлении падшего естества. Ласково обращался преподобный с детьми, называя их *сокровищами*. Отпуская посетителей, старец наделял их сухариками, приглашая разделить их с близкими. Сухариками или водою, данными святым, многие исцелялись от болезней.

Основатель монастыря

Мы располагаем обширным материалом, относящимся к описанию последующих лет жизни преподобного. Нам нет возможности в границах данной статьи охватить весь этот материал; иначе говоря, мы принуждены сделать некий выбор. Причем, нам кажется небезынтересным для читателя при изложении дальнейших событий в жизни старца останавливаться на тех, которые ближе связаны с созданием им так называемой Мельничной Дивеевской общины. Обычно агиографы уделяют этой стороне его деятельности меньше внимания.

Для этого вернемся ко времени кончины основательницы первой Дивеевской общины, чтобы проследить развитие этой общины до **1825** года, когда о. Серафим начал открыто и неустанно устраивать новую обитель с восемью сестрами, девицами, взятыми из первоначальной общины «сирот».

После смерти матери Александры в ее общине в Дивееве остались три сестры, простые женщины из окрестностей Дивеева. Они выбрали старшую среди них, и через семь лет община состояла из пятидесятидвух человек, но не имела официального статута. Правило, данное о. Пахомием, строго соблюдалось, а устав был Саровский. Само собою вышло, к обоюдному удовлетворению, что Саровские монахи пользовались умением сестер шить, вязать и стирать, за что поставляли им раз в день пищу со своей трапезы. В 1789 году была выбрана новая начальница, Кочулова, которую прп. Серафим чтит как крепкую и усердную молитвенницу, но вместе с тем прозывал иногда «терпуг духовный» (терпуг – терка!) или «бич духовный». С этой настоятельницей наступила особо суровая пора: из пятидесятидвух сестер сорок ушло! Осталось всего двенадцать, но стали прибывать постепенно другие, и в 1825 году число сестер достигло пятидесяти. В это время соседка по имению, графиня Толстая, видя бедность обители, пожертвовала несколько десятин под огород.

Итак, община, созданная в Дивееве по указанию Матери Божией, возрастала. По свидетельству многих, почитание матери Александры поддерживалось особыми явлениями у ее могилы, находившейся за алтарем Казанской церкви, вне храма: то виден был огонь и свет свечей на ней, то слышался необыкновенный колокольный звон, то раздавалось вокруг могилы чудное благоухание. Некоторым о. Серафим говорил, что матушка Агафья Семеновна (мать Александра), которая была святой, в мощах почивает, и что он сам ее стопы лобызал.

С созданием новой Дивеевской общины св. Серафимом связаны прежде всего имена Мантуровых: молодого Михаила и младшей сестры его Елены, дворян Ардатовского уезда, к которому относилась и сама Саровская пустынь. Мантуровы рано осиротели, но продолжали жить в родовом своем имении. Михаил стал военным и уехал по долгу службы в Лифляндию, где женился на Анне Эрнц, лютеранке. Опасная, продолжительная болезнь заставила его вернуться в свое имение, находившееся в сорока верстах от Сарова. Врачи признали болезнь неизлечимой: нельзя было остановить раздробление костей, от которого страдали ноги, причем частички кости начали через нарыв выходить наружу.

Это происходило в начале 20-х годов. Тогда уже в России знали о святой жизни преподобного. К нему и собрался потерявший было надежду Мантуров. Еле смог он, поддерживаемый своими слугами, добраться до сеней кельи, как вдруг сам о. Серафим вышел к нему и мягко спросил больного: «Что пожаловал, посмотреть на убогого Серафима?» Михаил упал к ногам старца и просил его об исцелении. «Веруешь ли ты в Бога?» – три раза спросил его старец и, получив убедительный ответ, сказал: «Радость моя! Если ты так веруешь, то верь же и в то, что верующему все возможно от Бога, а потому веруй, что и тебя исцелит Господь, а я, убогий Серафим, помолюсь». Старец принес елею и, нагибаясь к сидящему Мантурову, помазал его раны, говоря: «По данной мне от Господа благодати, я первого тебя врачую!» Михаил снова припал к ногам святого, плакал и целовал их. Но старец поднял исцеленного и сказал:

«Разве Серафимово дело мертвить и живить, низводить во ад и возводить? Что ты, батюшка! Это дело единого Бога, Который творит волю боящихся Его и молитву их слушает! Господу всемогущему да Пречистой Его Матери даждь благодарение!» {2}.

Как характерны для св. Серафима эти глубокие слова, от которых однако же веет народной непринужденной лаской: «радость моя!», «убогий Серафим», «что ты, батюшка!». В таком добродушно-народном стиле улеглись и последующие великие откровения, данные Серафимом не только русскому народу, но, по словам его, и всему верующему миру. «Радость моя! А ведь мы обещались поблагодарить Господа, что он возвратил нам жизнь-то», – этими словами встретил о. Серафим вновь приехавшего к нему Мантурова, которого начала тревожить мысль, что он не принес Богу дел благодарности за чудное исцеление. «Я не знаю, батюшка, чем и как, что вы прикажете?» – ответил молодой военный. «Вот, радость моя, все, что ни имеешь, отдай Господу и возьми на себя самопроизвольную нищету!» Смутился Мантуров, вещает летопись. Ему вспомнилось, что он не один, имеет молодую жену и что, отдав все, нечем будет жить. Старец же, провидя его мысли, сказал: «...Господь тебя не оставит ни в сей жизни, ни в будущей; богат не будешь, хлеб же насущный будешь иметь» {2}.

Вольное обнищание Михаила Мантурова было связано с продажей его имения для приобретения всего лишь пятнадцати десятин земли в Дивееве. Эту землю, без крестьян, Мантуров должен был хранить при жизни, а по смерти завещать имевшему создаться женскому монастырю... Живя на земле, не дающей доходов, Мантуровы скоро обеднели, нечем даже было освещаться... Молодая жена стал роптать и негодовать на о. Серафима. Как-то раз, рассказывает она, в их комнате перед иконами сама зажглась лампадка без масла и стала сиять. С тех пор Анна Мантурова перестала роптать на свою судьбу и включилась в послушание о. Серафиму. Легче стало переносить лишения, а также насмешки друзей.

Ради послушания о. Серафиму Мишенька, как любил его называть преподобный, всю жизнь посвятил на дело устройства женской обители, исполняя все деловые поручения старца, который сам никуда не выходил за ограду монастырских владений.

Удивительное второе поручение дано было Мишеньке о. Серафимом в 1823 году. Поклонившись Мантурову в ноги, старец дал ему один колышек, который, перекрестившись, он поцеловал, и велел ему вбить этот колышек среди поля, со стороны алтаря Казанской приходской церкви (той самой, которую построила мать Александра Мельгунова в Дивееве), отсчитав известное количество шагов. Каково же было удивление Мантурова, когда на месте он убедился в абсолютной точности измерений старца. Вернувшись в Саров, Мантуров нашел старца в особенно радостном духе. Через год, когда Мишенька уж забыл о бывшем поручении, о. Серафим велел ему вбить неподалеку от первого еще четыре колышка, которые он снова поцеловал, перекрестившись.

Повествование Дивеевской летописи привело нас к 1825 году, когда дивеевским приходским священником стал только что окончивший семинарию о. Василий Садовский. С первой же встречи с ним о. Серафим поставил его в курс начатого матерью Александрой дела, добавив: «...Я ведь теперь один остался из тех старцев, коих просила она о заведенной ею общинке. Так-то и я прошу тебя, батюшка, что от тебя зависит, и ты не оставь их!» {2}. Известно, какую удивительную духовную деятельность понес этот молодой священник; не будучи монахом, он стал духовником всей Дивеевской общины, а впоследствии и новой серафимовской, так называемой Мельничной обители...

Мы уже имели случай познакомиться с молодым Михаилом Мантуровым, которого о. Серафим начал готовить себе в сотрудники с 1815 года; теперь же, 10 лет спустя, видим, что о. Василий Садовский, во всем также руководимый о. Серафимом, становится как бы вторым духовным отцом дивеевских сестер. Нам остается обратить внимание на судьбу первой игуменьи, или «начальницы», как говорили в то время, создаваемой старцем общины, Елены Мантуровой.

Судьба сестры Мишеньки удивительна, парадоксальна. Старец Серафим ведет душу ее в Царство Небесное с творческой свободой, удаляя ее от светского общества и доводя до высших ступеней подвига. Нет у него сомнения в правильности намечаемого им пути, ибо ему дано пророческое ведение судеб человеческих.

Елена Мантурова была гораздо моложе брата. Оставшись сиротой и лишенная братнина присутствия дома во время долгой его отлучки в Лифляндию, она не утратила своего веселого нрава, исключительной живости и искания счастья. В 17 лет она стала невестой, и судьба ее казалась решенной. Но неожиданно все изменилось непонятным для нее самой образом: она отказала жениху, говоря при этом брату: «Не знаю, почему, не могу понять!» {2}. Немного спустя снова поразил ее необъяснимый случай: остановившись в дороге, чтобы выпить чаю на почтовой станции, Елена стала сходить по ступенькам кареты, как вдруг увидела, среди бела дня, над своей головой чудище, безобразного змея, который быстро приближался к ней, грозя увлечь ее в свое пламя. Видение это так потрясло девушку, что она стала как бы мертвая; с трудом очнувшись, она просила позвать священника, исповедалась и причастилась. Приехав домой, она поведала брату и его жене, что единственным спасением для нее, является отрешение от мира, что и обещала она в крике сердечном Царице Небесной. Сильно изменившись после этого явления, Елена стала жаждать духовной жизни и вскоре поехала к о. Серафиму, а старец, встречая ее, сказал ей: «Нет, матушка, что ты это задумала! В монастырь! Нет, радость моя, ты выйдешь замуж!» {2}. Мантурова сильно протестовала, а о. Серафим долго настаивал на своем. Вернувшись домой, Елена углубилась в чтение творений святых отцов. Все ее посещения Саровского старца кончались все тем же приговариванием о. Серафима о ее будущем браке. Негодуя на о. Серафима, Елена Мантурова решила обратиться, ничего ему не говоря, в один муромский монастырь, где, не долго раздумывая, купила себе келью. Напоследок она все же решила проститься с о. Серафимом и вот какие строгие слова услышала она:

«Нет тебе дороги в Муром, матушка, никакой дороги, и нет тебе и моего благословения! И что это ты? Ты должна замуж выйти, и у тебя преблагочестивый жених будет, радость моя!» {2}. Потрясенная прозорливостью старца, Мантурова более не сомневалась в его святости. Вернувшись домой, она стала усиленно молиться. Молитва ее была столь пламенна, что ей случилось как бы потягаться со злым духом, который навел ужас на мирно сидевшую семью Мантуровых ужасным неестественным криком. Сотворя крестное знамение, Елена удалила дьявольское наваждение. Такая борьба с темной силой будет и позже проявляться, несмотря на хрупкость и молодость серафимовской послушницы, в очень краткое время достигшей столь явной святости, что после ее смерти о. Серафим уверял сестер о нетленности ее тела.

Года через три после первой встречи о. Серафим благословил двадцатилетнюю Мантурову поступить в общину матери Александры Мельгуновой, где начальницей была тогда строгая Ксения Михайловна Кочеулова. «Матушка! – говорил старец Елене, – виден мне весь путь твой боголюбивый!.. а если не будешь идти им, то и не можешь спастись. Ежели быть львом, радость моя, то трудно и мудрено, – я на себя возьму; но будь голубем, и все между собою будьте, как голубки... Всегда будь в молчании... не будь в праздности... И пока Жених твой в отсутствии, ты не унывай, а крепись и больше мужайся... вечно-неразлучной молитвой и приготовляй все... верь, что все, мною реченное тебе, сбудется, радость моя!» (*Записки о. Василия Садовского*). Так, испытывая веру и решимость Елены, о. Серафим сочетал ее душу с Женихом Небесным.

1825 год чрезвычайно важен в истории монастыря, созданного о. Серафимом в Дивееве. 25-го ноября в малой пустыни, близ так называемого Богословского источника, вновь явилась старцу Царица Небесная, в сопровождении апостолов Петра и Иоанна, и благословила его выходить из саровской кельи, посещать пустынь и принимать дивеевских сестер для наставления. К этому времени внешние обстоятельства как бы естественно содействовали выходу о. Серафима из затвора: здоровье его стало сильно ухудшаться, он страдал болью в голове, в

ногах и пребывал в крайнем изнеможении. Движение и свежий воздух, по мнению окружения, стали ему необходимы. Уже весной 1825 года старец стал выходить по ночам, и как-то раз некий инок увидел его с тяжелым камнем в руках; во тьме ночной старец нес камнище к собору Саровского монастыря и положил его на землю у правой стены церкви, на уровне алтаря, обозначая этим, как мы увидим, место своей могилы. Этот знак смерти, уже не такой далекой (о. Серафим скончался семь лет спустя), как бы открывает последний и, если так можно выразиться, говоря о святом, самый блестящий период его деятельности, а именно – создание новой Дивеевской общины.

Принимая сестер общины матери Александры, о. Серафим убедился, что полный Саровский устав, которому они следовали, был непосилен для большинства монахинь, и решил его облегчить. Но начальница Кочеулова не согласилась менять устав, данный самим св. старцем Пахомием более 30 лет тому назад... Надо отметить, что ее общине в то время стало тесно и требовалось расширить помещения для ее пятидесяти сестер. Но несогласие насчет изменения устава, выраженное начальницей, как бы исключало дальнейшее сотрудничество с общиной о. Серафима.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.